

— Я же могу тебя касаться, почему ты не идёшь? — Лу Няньци стоял с красными глазами, вытянув шею и глядя на Лу Шицзю. Голос его уже срывался, в горле клокотали рыдания. Он повторил эту фразу дважды, словно пытаясь убедить самого себя:

— Видишь, я могу схватить тебя за руку, ты ничем не отличаешься от обычного человека. Разве не говорят, что призраков нельзя коснуться?..

Упрямо, не отрываясь, смотря на Лу Шицзю, он вдруг обнаружил, что перед глазами всё расплылось, и даже черты брата стали неразличимы. Он шмыгнул носом, провёл рукой по глазам — ладонь стала мокрой. Но, подняв голову, он по-прежнему ничего не видел отчётливо.

— Не три, — тихо-тихо вздохнул Лу Шицзю. Он просто сунул деревянную ветвь Лу Няньци в объятия, затем взял его за руку и заставил подняться ещё на несколько ступенек.

Но чем больше брат говорил «не три», тем яростнее Лу Няньци тер глаза, пока в конце концов не замер, прикрыв их тыльной стороной ладони.

Старик Лю рядом медленно, с запоздалой реакцией, сделал несколько шагов вперёд, наклонился у стены и, спустя мгновение, вернулся к лестнице. То, что он держал в руках, он также сунул Лу Няньци.

— Это кошелёк дяди Лю. В нём деньги за лодку, что он недавно получил, и ещё немного лекарственных семян с острова. Отнеси их тётке Лю — голова болеть меньше будет, — Лу Шицзю произнёс эти слова за старика Лю. Помолчав, добавил:

— Мне же тебе дарить нечего...

Он поднял руку и положил её на голову Лу Няньци.

— Я пойду к отцу. В Цинмин и в Чжуньюань не забудь нам бумажных денежек сжечь. Сожжёшь — будешь счастлив, проживёшь долго, и детей-внуков будет полон дом.

Сказав это, он трижды легко похлопал брата по макушке и убрал руку.

Лу Няньци почувствовал, как холод на голове рассеялся, а в сердце внезапно образовалась пустота. Он поспешно вытер слёзы и поднял глаза, чтобы найти брата, но перед ними всё ещё стояла туманная пелена.

Сквозь эту туманную пелену он с трудом разглядел, что Лу Шицзю и старик Лю, только что бывшие совсем рядом, бесшумно исчезли. Он снова вытер глаза и лишь тогда увидел в двух чжанах от себя на земле тёмное пятно.

Сюань Минь шагнул вперёд. Свет пламени осветил двух человек, лежавших у стены коридора.

Запах растительного сока на каменной стене стал ещё явственнее, чем прежде, и чем ближе подходишь, тем отчётливее. Он скользнул взглядом по следам крови, намётанным на стене, и в сердце всё прояснилось: наверное, на спине, на шее или в другом месте были раны, они соприкоснулись со стеной, и нанесённый на неё ядовитый сок просочился внутрь.

Падая, Лу Шицзю успел пальцем, исчертившим кровью землю, нарисовать круг, окружив сложный талисман. С первого взгляда картина была душераздирающей.

Зрение у Лу Няньци было затуманено, он плохо видел. Он хотел поднять упавшего Лу Шицзю и

нечаянно ступил в этот круг.

Сюань Минь увидел, как уже побуревший кровавый круг вдруг ожил, и на лбу Лу Няньци, в области жизненного дворца, а также на порезанной ладони также вспыхнул кровавый отсвет, но в мгновение ока вновь померк.

Изо рта Лу Шицзю, чьё тело уже заоченело и стало холодным, выплыла струйка едва заметного тумана. Она трижды обвила Лу Няньци, словно наконец совершив некий обряд, затем слегка склонилась в сторону Сюань Миня, отдавая последний долг, — и на том всё завершилось.

Не будь отца и сына из семьи Лу, тринадцать лет назад он, возможно, умер бы в том заброшенном храме. Теперь же, обменявшись жизнями, он считал это более чем справедливым — желание его исполнилось.

Только вот в ночь Чжунъюань на реке Лу Няньци придётся пустить на воду ещё один фонарик... Неужели он будет плакать?..

В миг, когда туман рассеялся и обмен жизнями завершился, в коридоре гробницы вдруг повеяло могильным холодом.

Возможно, такой переворот инь и ян, как обмен жизнями, потревожил три сотни душ, покоящихся в этой усыпальнице. Сразу же сзади донёсся протяжный вой ветра, слышались частые, торопливые шорохи, сопровождаемые стуком и треском каменных изваяний, — и всё это обрушилось на них со спины.

Сюань Минь хлопнул Лу Няньци по плечу, уже собираясь сказать «бежим», но сзади уже налетело нечто. Ветер, поднятый этим движением, нёс невыразимый запах тления, от которого почти нечем было дышать.

Те, кто при жизни, возможно, с трудом передвигался, пролежав несколько лет в гробнице, теперь внезапно стали быстрыми, как ветер. В одно мгновение из лестничного прохода один за другим выскочили эти тёмные, гнетущие фигуры. Одна, две — ещё куда ни шло, но когда несколько десятков, если не сотня таких иньских трупов стремительно набрасываются, справиться с ними нелегко.

Не то что двумя руками — и восьмью не управиться!

Коридор в этот момент показался тесным, некуда было ступить, негде укрыться.

Сюань Минь схватил висящую у пояса связку медных монет. Нахмуренные брови выдавали в нём нежелание. То ли не хотел использовать, то ли неудобно было, то ли... нельзя было.

Иньских трупов становилось всё больше и больше, они густой массой заполнили весь коридор, окружив нескольких человек кольцом.

Кольцо медленно сжималось. Иньские трупы постепенно приседали, копя силу в поясице, отталкивались ступнями — и набросились на Сюань Миня, словно чёрная давящая волна.

— Лысый монах?! — Сюэ Сяня в потайном мешке так растрясло, что голова пошла кругом. Он лишь почувствовал, как вокруг разлился запах крови, сладковато-металлический дух ржавчины с примесью какого-то неясного лекарственного аромата. Какая-то твёрдая кость в животе у Сюань Миня вдруг дёрнулась и в одно мгновение стала обжигающе горячей — даже

жарче, чем тогда, когда он варил Сюэ Сяня.

Не то чтобы его обожгло, но на сердце у Сюэ Сяня ёкнуло, и там вдруг образовалась пустота.

Затем запах крови стал ещё гуще.

Нет, нет, нет, если так пойдёт и дальше, как же тогда живыми выбраться?

Собственно говоря, если говорить о самом Сюэ Сяне, он ведь всего лишь золотая жемчужина, так что о жизни и смерти речи быть не может. Отступи на десять тысяч шагов — даже если бы речь и зашла, будучи истинным драконом, он обладал жизнью, столь долгой, что ей, казалось, и конца нет, и всегда мог бы улучить возможность выбраться отсюда.

Так что «не выбраться живым» для него самого — полная чепуха, для уже мёртвого Цзян Шинина — тоже чепуха.

По-настоящему живыми отсюда нужно было выбраться двоим.

Лу Няньци... и этому лысому монаху.

Первый с ним никак не связан, второй... второй же связан с ним какими-то необъяснимыми узами. Сюэ Сянь на мгновение не мог понять, почему он считает положение критическим.

Но в любом случае он действительно забеспокоился. Поэтому он изо всех сил заставил Цзян Шинина подтолкнуть его и, воспользовавшись моментом, вывалился из отверстия потайного мешка Сюань Миня. Выпадая, он всё ещё сохранял остаточное тепло с талии монаха, и это вызывало в нём невыразимое чувство — не потому ли, что то, что он вдохнул ранее, наконец почти переварилось?..

— Дзынь! — Золотая жемчужина упала на землю, и Сюэ Сяню как раз повезло упасть лицом вверх.

Он увидел, что белые, как снег и облака, монашеские одежды Сюань Миня запачканы кровью наполовину. Пламечко между его пальцами всё ещё горело, но почему-то трепетало неистово, словно зверь, рвущийся вырваться из железных оков. Иньские трупы окружили его со всех сторон, сверху донизу, и не разобрать было — рвут они его или кусают. А выражение лица Сюань Миня по-прежнему оставалось ледяным, словно не только другие люди в его глазах ничем не отличались друг от друга, но и его собственная жизнь не имела в них особой ценности.

Когда Сюэ Сянь упал, он не знал, услышал ли его Сюань Минь, но пальцы монаха, держащие огонь, дёрнулись пару раз.

Золотая жемчужина засуетилась, покатилась по земле — то ли как слепая муха, то ли что-то замышляя. Она петляла между беспорядочно мельтешащими ногами иньских трупов и вдруг рванулась к стене коридора, ударившись о неё.

Бум!

Каменная гробница внезапно содрогнулась, словно получив удар невероятной силы.

Сюэ Сянь остолбенел: «...» Это я так врезался?!

Хотя золотая жемчужина и впрямь могла обладать такой силой, но, петляя туда-сюда и

наворачивая круги, в момент столкновения со стеной он никак не мог выложиться на полную. Он планировал ударить несколько раз, постепенно наращивая мощь. Когда же сила достигла бы предела, он мог бы взорвать не одну такую гробницу, а целых десять.

Но если это был не он, тогда кто?

Сюэ Сянь не стал много думать и ударил ещё дважды.

Бум!

Каменная гробница снова содрогнулась, со свода посыпались бесчисленные осколки камня, осыпав Сюэ Сяня с головы до... ну, если бы она была, пылью.

Даже не имея в данный момент рта в прямом смысле слова, он инстинктивно «тьфу-тьфу» дважды, затем перекатился и обернулся к Сюань Миню — если это был не он, то в гробнице способен был устроить такой переполох, пожалуй, только этот лысый монах.

Так и есть: сквозь наслаивающиеся друг на друга острые когти иньских трупов Сюэ Сянь увидел, как Сюань Минь окровавленным пальцем провёл по своей связке медных монет, и пять монет в мгновение ока обрели кровавую окантовку.

<http://bllate.org/book/16289/1467954>